

«Из этого перечня видно, что число отождествленных лиц пантеона уже весьма значительно, а когда к ним прибавятся еще и те, которые пока, за отсутствием характерных атрибутов, не могут быть отождествлены с достаточной точностью, то мы заметим, что перед нами тот же в общих чертах пантеон, что и в настоящее время в Тибете и Амдо, с тою разницею, что учителя-ламы другие.

Композиция образов та же, что и в современной тибетской иконописи, стоящая в несомненной связи со скульптурою и фресками. Писаные образа на материи часто кажутся прямо уменьшенными копиями с фресок или подражанием скульптурным группам. Этим только лишней раз подчеркивается декоративный характер этой иконописи. Стоит только указать на преобладающую группировку трех фигур в центре, с буддою или бодисатвою посредине и двумя фигурами будд, бодисатв, божеств или монахов по бокам. Это обычный мотив композиции, начиная с древнейших скульптур или фресок; точно так же, как обычен вверху образа фриз из пяти dhyani-будд или иных групп будд. Столь же старого происхождения боковая орнаментовка образа полосою поставленных одна над другою небольших стел с фигурами. Совершенно аналогичную композицию мы нашли в одной пещере к северу от Турфана, на тибетский характер которой было уже указано проф. Грюнведем. Полоса с пляшущими женскими фигурами внизу образа представляет собою, повидимому, некоторую особенность древнейшей тибетской иконописи... В настоящей краткой заметке мы не имеем в виду исчерпать вопрос о композиции описанных образов, а хотим только указать на тесную связь их с индийскою иконографиею и на их близкое родство, часто почти переходящее в тождественность, с современною тибетскою иконописью. С этой стороны необходимо отметить и два характерных отличия. Одно — в изображении воды, которая в современной тибетской иконописи изображается в виде зубчатых

---

¹⁾ Рисунки: А, В, С, D представляют собою отдельные фигуры большой иконописной композиции, пока еще точнее не определенной. Несколько образов этой композиции, китайской работы, находится в собрании П. К. Козлова из Хара-хото. Настоящие образа, очевидно, развешивались на стене примерно в том же порядке как на образах только что указанных вокруг центрального образа Будды. Мы имеем здесь любопытный пример того, как композиция одного образа могла расчлениваться на части, в виде серии отдельных образов. [С. Ф. Ольденбург].